

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-141-158

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ: ОПЫТ XV ВЕКА

К.А. Соловьев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

KSoloviov@spa.msu.ru

Аннотация. Историческая политика — один из самых значимых инструментов в проведении политики по формированию национального единства. Объектом статьи является деятельность российского государства II половины XV в. по формированию новой модели исторической политики. Предмет статьи — историческая политика как способ преодоления кризиса легитимности и оформления новой государственной парадигмы. Цель исследования — выявление условий для формирования новой модели исторической политики, базирующейся на принципе *translatio imperii*, и форм перехода к этой модели. Ключевой метод — сопоставительный анализ текстов, ритуализованных действий и материальных объектов, составлявших, в своей совокупности, основу новой модели исторической памяти. Основным выводом статьи является выявление, в качестве базового условия перехода к новой модели исторической памяти, глубокого противоречия между способами осуществления государственной власти, которые складывались в процессе преобразования средневеково конгломерата русских земель в единое государство и историческими представлениями о власти и управлении, сложившимися на основе древнерусской «отчинной» традиции.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, история России, история государственного управления, этноконфессиональная политика, политическая история, история России, Иван III.

Для цитирования: Соловьев К.А. Историческая политика, как инструмент преодоления кризиса легитимности: опыт XV века // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 141–158.

Дата поступления в редакцию: 11.09.2023

HISTORICAL POLITICS AS A TOOL FOR OVERCOMING THE CRISIS OF LEGITIMACY: EXPERIENCE OF THE 15TH CENTURY

Soloviov K.A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

KSoloviov@spa.msu.ru

Abstract. Historical policy is an important tool in the implementation of the policy of building national unity. The object of the article is the activity of the Russian state in the second half of the 15th century. on the formation of a new model of historical politics. The subject of the article is historical politics as a way to overcome the crisis of legitimacy and form a new state paradigm. The purpose of the study is to identify the conditions for the formation of a new model of historical politics, based on the principle of *translatio imperii*, as well as the forms of transition to this model. The key method is a comparative analysis of texts, ritualized actions and material objects, which, in their totality, constituted the basis of a new model of historical memory. The conclusion is that the main condition for the transition to a new model of historical memory has been determined. This is a contradiction between the new ways of exercising state power, and historical ideas about power and management, which have developed on the basis of the ancient Russian “patrimonial” tradition.

Key words: historical memory, historical politics, history of Russia, history of public administration, ethno-confessional politics, political history, history of Russia, Ivan III.

For citation: Soloviov K.A. Historical politics as a tool for overcoming the crisis of legitimacy: experience of the 15th century // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2023. Vol. 20. № 4. P. 141–158.

Received: 11.09.2023

Историческая политика как особое направление в деятельности государства, терминологически обозначенное — «Geschichtspolitik»¹, получила первое осмысление в 1980 гг., в немецкой историографии. Ее содержание состоит в том, что государство оказывает целенаправленное воздействие на ту часть общественного сознания, которая еще в 1920-е гг., в работах Мориса Хольвбакса, получила наименование «коллективной памяти», а в последующие годы, под давлением критики со стороны многих философов и культурологов, была заменена сочетанием «социальной памяти» и «культурной памяти»². В настоящее время распространенным является подход, в соответствии с которым политика памяти (историческая политика) напрямую воздействует на «социальную и политическую идентичность» как отдельных социальных или этнических групп, так и всего населения. Это воздействие заключается «в актуализации или забвении части коллективного опыта прошлого определенного сообщества»³.

В характеристике роли и значения исторической памяти в жизни общества обычно выделяют два подхода: примордиалистский (в рамках которого целью исторической политики всегда является поддержание сложившейся национальной идентичности) и конструктивистский (в котором признается возможность и даже необходимость трансформации национальной идентичности, в зависимости от тех или иных задач, решаемых обществом)⁴.

Большинство научных и политических дискуссий по темам исторической памяти ведутся вокруг событий XX в.⁵ Но то, что становление теоретических концепций исторической политики прошло в конце XX в. (и именно на материалах XX в.), не должно быть препятствием к тому, чтобы применить разработанные к настоящему времени методики к изучению более ранних эпох, в том числе к истории Российского государства на разных этапах его существования. В этой работе мы будем исходить из того, что

¹ Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 11; Словински К. Историческая политика партии «Право и Справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102.

² Подробно об этом: Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 26, 31.

³ Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 35.

⁴ Обзор подходов: Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Internium. 2013. № 1. С. 6–16.

⁵ Подробно об этом: Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

складывающиеся в истории России модели исторической политики, действовавшие на протяжении долгого времени (десятков или даже сотен лет), формировались именно тогда, когда менялись *парадигмы государственности*, сопровождаемые, как правило, *кризисами легитимности* государственной власти. И замена устаревающей модели исторической памяти на более актуальную проходила, во многом, под давлением новой, формирующейся парадигмы. В российской истории эпохи смены государственной парадигмы могут быть обозначены следующим образом: (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение государственных парадигм и моделей исторической памяти (составлено автором)

Формирующаяся государственная парадигма:	Время формирования новой модели исторической памяти	Организирующий принцип новой модели исторической памяти
Централизованное феодальное государство (Московское царство XVI в.)	Конец XV — первая пол. XVI в.	Translatio imperii, с ориентацией на преемственность от Византии
Сословно-представительная монархия (Московское царство XVII в.)	Первая четверть XVII в.	Восстановление «связи времен», разорванной Смутным временем и сменой династии
Абсолютная монархия (Российская империя XVIII–XIX вв.)	Первая четверть XVIII в.	Translatio imperii, с ориентацией на преемственность от императорского Рима
Советское государство XX в.	Первая четверть XX в.	Разрыв с государственной традицией империи; переориентация культурной памяти на историю революций и революционного движения
Постсоветская государственность	В процессе формирования с конца 1980-х гг.	Translatio imperii, с ориентацией на преемственность от Российской империи

В таблице обозначены только базовые принципы формирования рамочных моделей исторической памяти в ту или иную эпоху. В реальности эти модели, с течением времени, подвергались серьезной трансформации. Так, например, историческая политика Ивана Грозного от времени «Избранной Рады» ко времени «опричнины» подвергалась очень серьезной архаизации; имперская модель, сформированная Петром I, испытала сильное давление со сторо-

ны «славянофильских» идей в XIX в., и особенно в его конце, когда было вновь актуализировано «русско-византийское наследство»; а в советский период общий принцип «разрыва с прошлым» был в значительной степени скорректирован в период от середины 1930-х гг. и до смерти И.В. Сталина.

Сам по себе процесс формирования новой модели исторической памяти проходит через несколько этапов (табл. 2).

Таблица 2

Этапы процесса формирования новой модели исторической памяти (составлено автором)

Первый этап	Осознание неэффективности (конфликтогенности или слабой инструментальности) действующей модели исторической памяти и определение вектора трансформации
Второй этап	Поиск концептуальных основ и материальных элементов новой модели исторической памяти; появление первых нарративов с элементами «информации», «риторики» и теории ⁶
Третий этап	Концептуальная проработка новой модели исторической памяти
Четвертый этап	Реализация новой модели исторической памяти в исторической политике государства (перереформатирование культурной памяти)
Пятый этап	Осмысление трудностей и неудач, сопровождающих внедрение новой модели, корректировка исторической политики

В статье мы обратимся к нескольким эпизодам, относящимся к последней трети XV в., поскольку в этих эпизодах отчетливо проявилась неэффективность старых форм использования «исторической памяти» для реализации политики государственного строительства и для преодоления кризиса легитимности, ставшего следствием этой политики. Анализ семантических конструкций «исторической памяти» и тех действий, для которых эти семантические конструкции должны были служить ментальными опорами, позволит нам увидеть, как именно происходило осознание неэффективности действующей в XV в. модели исторической памяти.

В самых общих словах эту модель исторической политики можно описать следующим образом: государственное решение принимается, исходя из потребностей сегодняшнего дня, но оформляет-

⁶ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 10.

ся как предначертанное последовательностью действий прошлых поколений правителей, «отцов и дедов». И каким бы новым по содержанию это решение не было, *формальным признаком его легитимности должно было быть отсутствие новизны*. На «отчинную» традицию были сориентированы нарративы рассказов и повестей о деятельности русских князей, входившие в комплекс текстов русского летописания. Символическую роль *материального воплощения* «отчинной» модели исторической памяти играли «золотые» княжеские пояса, передаваемые по наследству от отца к сыну. *Ритуальным воплощением* этой модели стало тожественное посещение захоронений прежних великих князей в «церкви архистратига Михаила», как это произошло в 1470 г., перед военным походом Ивана III на Новгород: «Приходит же ... к гробам прародитель своих, лежащих тут великих князей Володимерских и Новгородских и всеа Руси от великого князя Ивана Даниловича и до отца его великого князя Василия, июля их глаголя “аще духом есте далече отсюду, но молитвою помозите на отступающих православные державы наша”»⁷.

Наглядным примером опоры на «отчинную» традицию и соответствующую модель исторической памяти, может выступать решение оказать сопротивление войскам хана Ахмата вышедшим к реке Угре в 1480 г. Известно, что Иван III колебался в тот момент: выезжал на Угру, возвращался в Москву, собирал великокняжеский Совет. И одним из факторов, который способствовал принятию решения о сопротивлении, стало «Послание на Угру» духовника государя, епископа Вассиана. В этом послании обозначенная выше модель исторической политики проявилась следующим образом: «И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и иinei мнози, иже паче нас вѣси»⁸. Здесь Вассиан представил великокняжескую власть, как непрерывающуюся нигде и никогда традицию, уходящую в глубину лет, вплоть до поколения основателей Древнерусского государства. Отметим попутно, что уже в этом послании Владимир Мономах упомянут в числе четырех

⁷ Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ. Т. 25. М. — Л., 1949. С. 286.

⁸ Послание на Угру Вассиана Рыло (БЛДР. Т. 7). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5070> (дата обращения: 12.09.2023).

важнейших фигур древнерусской государственности, что позволяет нам говорить о значимости этого имени, как для «старой» модели исторической памяти, так и для нарождающейся новой. Построенная на принципе «отчины» памяти историческая политика стала действенным инструментом воздействия на самого великого князя и мобилизации российской элиты (а вслед за тем и значительной части населения) на преодоление зависимости от Орды, а затем и формирование собственной государственности. Но так было не в каждом случае.

Формированию новой государственной парадигмы («самодержавной» власти Московских государей) предшествовали три *кризиса легитимности* XV в., разной глубины и разной направленности. Самый глубокий из них в исторической науке известен как «феодальная война», разразившаяся между двумя ветвями потомков Дмитрия Донского. Поводом к ней стал спор о «золотом» поясе Дмитрия Донского, оказавшемся во владении его второго сына Юрия и переданного им сыну Василию. По сути, закрепленная в образе «золотого пояса» историческая память стала фактором, способствующем началу войны между двумя ветвями династии. В этой войне были испробованы самые разнообразные способы легитимации власти, как известные в прошлом, так новоизобретенные. Но в государственной практике XV в. закрепился тот, что не был свойственен Русским землям ни «доордынской», ни «ордынской» эпохи. А значит, он не был частью традиционной модели исторической памяти. Этот способ использовался в императорском Риме — соправление государя и его наследника (в варианте Москвы XV в. — отца и сына или деда и внука). «Отчинная» традиция исторической памяти в кризисе легитимности, названном «феодальной войной», была скорее помехой, чем инструментом преодоления кризиса, поскольку в рамках этой традиции спор о первенстве в династии институциональными средствами преодолеть невозможно. В доордынской Руси эту институциональность обеспечивало взаимодействие князей с городскими общинами. Но с XIII в., сначала Орда, а затем и московские государи, начиная с Ивана Калиты, последовательно стремились к ослаблению роли городских общин во властном взаимодействии и разрушению вечевых структур. И в XV в. такого рода взаимодействие сохранилось только в Новгороде и Пскове.

Вторым кризисом легитимности (внешним по отношению к Москве) стал медленный, но неостановимый распад Большой Орды, ослабление, а затем и прекращение ее власти над русскими

землями. Следствием этого кризиса стал переход к «самодержавному» (то есть независимому) правлению московского государя. В этом кризисе историческая политика в Москве была сориентирована на традицию «отчинной власти», в рамках которой каждое властное действие объяснялось тем, что именно так в данной ситуации поступали отцы и деды. «Отчинная» модель исторической памяти стала эффективным инструментом борьбы с Ордой (как было показано выше). Но именно «отчинная» традиция подверглась наибольшей эрозии в *третьем кризисе легитимности*, сфера действия которого — властное взаимодействие Москвы и двух феодальных республик: Новгорода и Пскова.

Так, в 1470 г., Иван III, стремясь навсегда подчинить Новгород собственной воле, в особом письме дал развернутое («отчинное») обоснование своим действиям: «Отчина есте моя, люди Новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, перваго великого князя в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрия Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете. А за королем некоторым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала. А нынче от христианства отступаете к Латынству чрес крестное целование, а яз, князь велики, ни которые силы ни чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, как было при отце моем, великом князе Василье Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князей рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину»⁹.

Формально, в этом обращении содержится требование действовать «по старине», что в трактовке великого князя Ивана Васильевича означало подчинение Новгорода власти Московского государя (преемника власти великого князя Владимирского). Но выражение «от того великого князя [Всеволода Большое Гнездо — авт.] даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас», не выдерживает проверки исторической памятью.

В Новгородской летописи младшего извода (Комиссионный список) перечислены князья, правившие в Новгороде за всю его историю. Вот фрагмент этого списка от Всеволода Юевича и до его внука Александра Невского включительно: «... введоша [в Новго-

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

род — авт.] Святослава, сын Великого Всеволода, внук Юрьев; и по сем дасть Всеволод сын свой старейший Константин, и Константи-на выведоша, опять дасть Святослава; и приди Мстислав Мстисла-вич в Торжок и введоша и в Новгород; по сем Ярослав Всеволодич, и опять Мстислав Мстиславич; и по сем Святослав Мстиславич, Романов внук; и по сем брат его Всеволод; и по сем Всеволод Юрье-вич внук Всеволод; и по сем Михайло Всеволодович, Ольгов Внук; и опять Ярослав Всеволодич; и опять Михайло Всеволодович; и по-садив сына своего Ростислава на стол, а сам Чернигову; и опять Ярослав Всеволодич и по нем сын его Александр Храбрый...»¹⁰.

В этом фрагменте, в качестве новгородского князя, помимо Всеволода Больше Гнездо, его сыновей и внука, указан Мстислав Мстиславич, из ветви «Ростиславичей», смоленских князей, прямых потомков Мстислава Великого, старшего сына Владимира Моно-маха. К этой же линии потомков Ростислава Мстиславича относи-лись и братья Мстиславичи, тоже указанные как князья Новгорода. А Михаил Всеволодович Черниговский «Ольгов Внук» вообще при-надлежал к конкурирующей с потомками Владимира Мономаха ди-настической линии «ольговичей» — потомков Олега Святославича. Это значит, что «историческая память», в письме Ивана III новго-родцам была серьезно подкорректирована. Но сами новгородцы не нуждались в такой корректировке. Им была выгодна полная версия исторической памяти, тем более что и после Александра Невско-го власть в Новгороде принадлежала, пусть и его потомкам, но не только династической линии, ведущей непосредственно к Москве и к Ивану Васильевичу III. Тверские князья Дмитрий Михайлович Грозные Очи и Александр Михайлович, представители более стар-шей ветви потомков Александра Невского, по отношению к по-томкам Даниила Московского, тоже правили Новгородом, а перед правлением Дмитрия Донского власть в Новгороде осуществлял нижегородский князь Дмитрий Константинович, правнук Андрея Ярославича, младшего брата Александра Невского.

Соответственно, мы можем говорить о том, что опора на «от-чинную» традицию в нарастающем кризисе во властных отношени-ях между Москвой и Новгородом не давала желаемого результата. И поэтому основным аргументом Ивана III стало принуждение силой. В 1771 г. эта сила была явлена как военная (разгром вой-ска новгородцев на реке Шелонь), а в 1478 г. — как карательная: «... и повелел государь привозити из Великого Новагорода вла-

¹⁰ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1951. С. 161–162.

дычных бояр, и иных многих служивых детей боярских, и гостей и всяких градских и приказных людей, и изрядных и именитых торговых людей и жен их и детей, перед себя, и повелел государь их пред собою горце и люте и бесчеловечне различными муками мучати ... и повеле тех мученых и поджареных ... за санями вещи на великий Волховский мост метати их с мосту в реку Волхов»¹¹.

Этому второму применению силы предшествовала еще одна «полемика памяти» между новгородцами московским государем. Новгородцы, обращаясь к великому князю всеми своими «челобитьями», просили оставить все «по старине» и прежде всего, настаивали на сохранении традиционного суда, в котором дела рассматривались разными составами судей: «сместный» суд новгородского посадника, выбираемого на вече и княжеского наместника; дела которые решает только посадник и «владычный» суд новгородского архиепископа. В самом кратком изложении это требование новгородцев выглядело так: «Первая речь Якова Коробова с челобитьем, чтобы государь князь великий пожаловал, велел своему наместнику судити с посадником... а Лука посадник бил челом, чтобы государь пожаловал пригороды Новгородские держал своими наместники, а суд бы по старине был»¹².

Ответ великого князя, переданный через его доверенных бояр, «старины» не предусматривал. Его содержание было однозначным: никаких прежних новгородских традиций соблюдаться не будет, все будет, как в Москве: «Били есте челом мне, великому князю, ты, наш богомолец, и наша отчина Великий Новгород, зовучи нас себе государи, да чтобы есмы пожаловали, указали своей отчине, какову нашему государству быти в нашей отчине в Великом Новгороде; и яз князь великий то вам сказал, что хотим господарства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве; и вы нынече сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти: ино, то, которое мое государство?»¹³.оборот: «ино, то, которое мое государство» совершенно однозначен: не традиции важны, а *прямая воля государя*, опирающаяся на силу его войска. Вслед за чем и последовали репрессии, описанные выше.

Кризис в отношениях с Псковом 1499 г. (когда «князь великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал сына своего Василия Ива-

¹¹ Новгородская III летопись. ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841. С. 260.

¹² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 12. СПб. 1901. С. 180–181; Т. 25. С. 285.

¹³ ПСРЛ. Т. 12. С. 180.

новича, нарек его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение»¹⁴), также принял форму спора об «отчинной» традиции. Разгромленный в конце 1470-х гг. Новгород уже не реагировал на получение известий о том, что ими руководит второй младший великий князь (поскольку первым младшим великим князем считался внук Ивана III Дмитрий), но псковичи недоумевали. Состоялось вече (о чем свидетельствует летописный оборот «посадники Псковские сдумавше со Псковичи»¹⁵) и в Москву была отправлена делегация. Псковичи обращались к Ивану Васильевичу и его внуку (и соправителю) Дмитрию Ивановичу, с просьбой, «чтоб держали отчину свою в старине, “а который бы был князь великий на Москве, тот бы нам был государь”»¹⁶. Ответом великого князя стал арест всей делегации и казнь двух посадников ее возглавлявших («всадил в костер»). Формулировка ответа, с которым вернулся в Псков посадник Стефан — «чи не волен яз в своем внуке и в своих детех? ино кому хочю, тому дам княжество»¹⁷ — не содержит отсылки ни к одной традиции, кроме семейной. Помня о судьбе Новгорода, псковичи приняли это решение, но оно не согласовалось с их представлениями о характере власти, а было им навязано, что неизбежно должно было привести к углублению кризиса в отношениях между Псковом и Москвой.

Итак, необходимо обозначить следующее:

1. Попытка использовать историческую политику, с опорой на «отчинную» традицию в начале XV в. (спор о «золотом» поясе Дмитрия Донского) стала триггером тяжелейшего кризиса легитимности.

2. Историческая память, в основе которой находилась все та же «отчинная» традиция дала необходимый эффект мобилизации элиты и населения в момент противостояния с Ордой и обретения независимости.

3. Историческая память, с опорой на ту же традицию, дала обратный эффект — мобилизации «снизу», для противостояния великому князю, со стороны Новгорода и Пскова.

4. Иван III в этом противостоянии вынужден был отказаться от политики исторической памяти, противопоставив ей свою личную волю («мое государство» и «моя семья») и прямое, карательное, насилие.

¹⁴ Там же. С. 249.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 5 (Псковская 1-я летопись). Л. 1929. С. 271.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

5. Отказавшись от опоры на историческую память (в том виде, в каком она существовала веками), Иван III подорвал (как минимум) институциональные основы собственной власти. Постепенно приходило осознание неэффективности прежней модели исторической памяти, и одновременно начинался новый этап — поиска концептуальных обоснований новой, более действенной модели.

С 1480-х гг. Иван III — самодержавный государь, полностью самостоятельно управляющий русскими землями. Но ответа на вопрос о том, почему все эти земли должны ему подчиняться, у него не было. Опора только на силу делала его власть тиранической, а значит неустойчивой. Ивану III была нужна новая институциональность, новая историческая политика, а значит, как бы это не звучало странно, новая историческая память. Эту память нужно было сконструировать. И тут на помощь пришел принцип *Translatio imperii*. Всем подданным великого князя (но прежде всего — элите) необходимо было «вспомнить», что на самом деле, власть московского князя определяется не только и не столько традицией русских земель. Ее основания и глубже и шире — это традиция Римской империи. Одним из первых элементов концептуальной проработки новой модели исторической памяти стал выбор *нового символа власти*.

Любой модели исторической памяти требуются опорные элементы, в качестве которых, чаще всего выступают:

— события прошлого, соотносимые либо с «исторической славой» (позитивный пример), либо с «исторической травмой» (негативный пример)¹⁸;

— «герой» (реальный или мифический), олицетворяющий своей жизнью лучшие черты народа;

— материальные предметы, вокруг которых выстраивается культ героя или события;

— визуальные образы, отражающие тот посыл, который несет в себе данная модель исторической памяти;

— набор ритуалов, проводимых элитой и народом, как по отдельности, так и в единстве, и выполняющих функцию мобилизации населения вокруг власти;

— нарратив, представляющий собой простой и ясный рассказ о событиях и героях участвовавших в утверждении действующей парадигмы государственности.

¹⁸ Volkan V.D. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. NY: Farrar, Straus & Giroux. 1997.

В «отчинной» модели исторической памяти наиболее полный набор такого рода опорных элементов содержался в культе первых русских святых, князей страстотерпцев Борис и Глеба (табл. 3).

Таблица 3

Опорные элементы в политике памяти, ориентированной на культ Бориса и Глеба (составлено автором)

Событие (травма)	Убийство Бориса и Глеба Святополком Окаянным, начало братоубийственной борьбы за власть
Событие (слава)	Отмщение Святополку со стороны Ярослава Владимировича и утверждение братского «миролюбия»
Герои	Борис и Глеб — мученики за правду и «землю Русскую»; Ярослав Мудрый, прекращающий междоусобицу
Антигерой	Святополк Окаянный, начавший братоубийственную междоусобицу
Визуальные образы	Икона Бориса и Глеба и посвященные ей храмы
Материальные предметы	Вещи, принадлежавшие святым (меч Бориса), которым владел великий князь Андрей Боголюбский), кресты-энколпионы с изображениями святых
Набор ритуалов	Почитание Бориса и Глеба, выраженное в большом количестве храмов и монастырей; Княжеская традиция давать членам династии имена Борис и Глеб
Нарратив	«Сказание о Борисе и Глебе», а также связанные с ним летописная повесть и церковно-служебные тексты

Но с XIV в. культ Бориса и Глеба теряет свою популярность. К концу этого века в Москве все более значимым становится культ иконы Божьей матери, а Успенский собор (по примеру Владимира) становится главным московским храмом. Кроме того, насильственные действия и Василия Темного, и Ивана III, по отношению к членам великокняжеской династии, соотносили их скорее с образом Святополка Окаянного, чем с князьями страстотерпцами. Соответственно культ Бориса и Глеба становился непригодным для мобилизации и элиты, и населения вокруг Московского государя. Женитьба Ивана III вторым браком на Зое Палеолог и все более возрастающее влияние племянницы последнего византийского императора на жизнь московского двора, во многом, определили вектор становления новой модели исторической памяти — через родство с императорским домом.

В истории Древней Руси такое родство соотносится с тремя фигурами и связанными с этими фигурами знаковыми событиями, изложение которых могло (теоретически) привести к созданию нового нарратива исторической памяти (табл. 4).

Таблица 4

**Знаковые фигуры в политике памяти Средневековой Руси
(составлено автором)**

Фигура	Степень родства и знаковые события
Княгиня Ольга	Поездка в Константинополь, отказ от замужества с императором (несостоявшееся событие тоже значимо) и принятие крещения, в обряде которого в качестве крестного отца выступал император
Владимир Святой	Женитьба на сестре императоров-соправителей Анне; Крещение Руси, давшее повод именовать его «новым Константином»
Владимир Мономах	Внук императора Константина IX Мономаха. Знаковые события, связывающие правление с Византийской империей, в летописании отсутствуют, если не считать самого факта женитьбы его отца, князя Всеволода Ярославича на дочери Константина

Отсутствие знакового события не препятствует формированию новой модели исторической памяти, если это событие может быть сконструировано. Своеобразным центром этой новой конструкции исторической памяти стал материальный предмет — «шапка Мономахова», которая, в 1498 г., оказалась главным символом наделения великокняжеской властью наследника (на тот момент) Ивана III — его внука Дмитрия, при проведении обряда «венчания» того великим князем Московским, Владимирским и Новгородским: «И по аминне велел к себе митрополит принести шапку с налоя двумя архимандритом да, взял ея дал великому князю ... и князь великий положил шапку на внука...»¹⁹.

Здесь важно отметить, что *новый элемент* легитимации власти — венчание — сопровождался традиционным *обращением к старине*, что более всего заметно в открывающей церемонию речи великого князя к митрополиту: «Отче митрополиту! Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша, то и до сих мест отци наши великие князи сыном своим первым давали великое княжество...»²⁰. Оставим в стороне то, что содержание этой речи, мягко говоря, не отражает реальной картины пере-

¹⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 248.

²⁰ Там же. С. 246.

дачи власти в прошлые века. Для нас важно то, что новая модель исторической памяти подавалась так, как будто это — продолжение «старины» или, как писал по этому поводу Б.А. Успенский, «... ориентация на Византию приводит к принципиально новым формам (неизвестным ранее ни Руси, ни Византии): как это вообще часто бывает, субъективная установка на реставраторство фактически приводит к новаторству»²¹.

В шапке Мономаха как материальном символе новой модели исторической памяти можно увидеть два элемента этой памяти:

- элемент «старина» — после Владимира Мономаха великим князем Киевским был его старший сын Мстислав Великий, что позволяет сослаться на старинный обычай передачи власти от отца к сыну, хотя о передаче власти именно по наследству источники не говорят, а после Мстислава Великого наследственный принцип передачи власти не действовал;

- элемент «новизна» (в упаковке «старины») связан с формирующейся легендой о том, что шапка Мономаха была получена им от византийского императора и символизирует передачу царской власти, с использованием принципа *translatio imperii*.

Возникает прообраз будущей модели: сам Владимир Мономах титул великого Киевским князя от отца не наследовал, но получил, по воле деда, более высокий титул — царя (вместе с соответствующими регалиями) и передал этот титул сыну.

Концептуальная проработка новой модели исторической памяти, в основе которой лежит «сконструированное событие» — передача византийским императором «даров» (в состав которых якобы вошла «шапка Мономаха») князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху — началась в конце XV в. и заняла примерно половину столетия. И в ходе этой работы было составлено четыре текста:

«Чудовская повесть» (или «Послание Спиридона-Саввы», конец XV в. или первое десятилетие XVI в.),

«Сказание о князьях Владимирских» (по разным датировкам — от 1520-х до 1540-х гг.),

Поставление к Чину венчания на царство Ивана XIV (1547 г.),

Тексты «царского места» из Успенского собора Московского кремля (1547–1551)²².

²¹ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. М. 1998. С. 13.

²² Бычкова М.Е. Мотивы «Сказания о князьях владимирских» в официальных документах середины XVI в. // Герменевтика древнерусской литературы. 2005. № 12. С. 661; Богатырев С.Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Stud. Slav.

В самом раннем из этих текстов, «Послании Спиридона-Саввы», о центральном событии *translatio imperii* говорится следующее: «Царь же боголюбивый Костянтин Манамах составляет совет и отряжает послы к великому князю Володимеру Всеволодичу... Снимет же от своя главы и венец царский и поставляет его на блюде злате. ... И предает их митрополиту Неофиту с епископы и с своим благородным рядником и посылает к великому князю Володимеру Всеволодичу. “Прими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сея честные дарове от начаток вечных лет твоего родства поколения на славу и честь и венчание твоего волнаго и самодержавного царства. ... и все православие в покои пребудут под сущюю властию нашего царства и твоего великаго самодержавства Великия Росия; да нарецаешься отселе боговенчаный царь, венчан сим царским именем...”»²³. Тем самым у истоков новой модели исторической памяти появляется «событие славы» — передача императорских регалий, меняющая характер власти Владимира Мономаха, с княжеского на императорский (царский).

К завершению этого периода формирования базовой «социально-культурной инфраструктуры»²⁴ новой модели исторической памяти создается и еще один материальный объект «вторичной аутентичности» — «царское место» в Успенском соборе с помещенным на нем текстом о передаче «даров» Константина Владимиру Мономаху с соответствующими этому тексту резными иллюстрациями.

Новая модель исторической памяти, ориентированная не на действия «по старине», а на принцип *translatio imperii* была создана, в своих общих чертах, к концу первой четверти XVI в. (а к середине этого века — полностью) и стала «рабочей» моделью пропаганды «самодержавной» царской власти, в которой «самодержавие» понималось не как внешнеполитический суверенитет (что было важно для XV в.), а как право государя принимать решения независимо от того, насколько оно соответствует древним обычаям. На эту «сконструированную» историческую память уже были «нанесены» другие важные тексты «царской» легитимности, содержащие концепцию «Москва — Третий Рим». И эта новая модель

Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1. С. 173–174.

²³ Послание Спиридона-Саввы // Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. С. 164–165.

²⁴ Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет *political science* и *russian studies*: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // *Political science (RU)*. 2020. № 2. С. 24.

исторической памяти в ее различных модификациях продержалась в сознании элиты до эпохи преобразований Петра I, а в качестве некоего «рудимента» исторического сознания существует и сейчас.

Итак, отметим, что базовым условием перехода к новой модели исторической памяти стало глубокое противоречие между теми способами осуществления государственной власти, которые складывались в процессе преобразования средневекового конгломерата русских земель в единое государство, с одной стороны, и историческими представлениями о власти и управлении, сложившимися на основе древнерусской «отчинной» традиции — с другой. Быстро преодолеть это противоречие и добиться общенационального единства под властью московского государя не удалось. В связи с этим приходилось использовать насильственные «тиранические» методы (в особенности по отношению к Новгороду) или угрозу применения их (по отношению к Пскову). Одновременно с этим шел поиск новой модели исторической памяти, которая могла бы дать необходимый набор объяснений тем действиям государственной власти, которые выходили за пределы прежних представлений и вели (в рамках стремительно меняющейся государственной парадигмы) к возникновению кризиса легитимности. Эта новая модель, в основу которой был положен принцип *translatio imperii*, формировалась в течение полувека, начиная с 90-х гг. XV в. А опора на эту модель позволила (наряду с другими факторами) сравнительно мирно присоединить Псков и преодолеть кризис легитимности середины, известный в исторической литературе как «городские восстания» середины 1540-х гг.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Бычкова М.Е. Мотивы «Сказания о князьях владимирских» в официальных документах середины XVI в. // Герменевтика древнерусской литературы. 2005. № 12. С. 660–674.

Богатырев С.Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1. С. 171–200.

Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет *political science* и *russian studies*: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // *Political science (RU)*. 2020. № 2. С. 15–41.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1955.

Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Internium. 2013. № 1. С. 6–16.

Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 33–42.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. С. 11–26.

Словински К. Историческая политика партии «Право и Справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–112.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998.

Volkan V.D. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. NY: Farrar, Straus & Giroux, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Soloviov K. — DSc, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru